

СЕРГЕЙ ГЛЕЗЕРОВ

ПРЕДАТЕЛИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

1000 лет
коварства, ренегатства,
хитрости, дезертирства,
клятвопреступлений и
государственных измен

Сергей Глезеров

**Предатели в русской истории.
1000 лет коварства, ренегатства,
хитрости, дезертирства,
клятвопреступлений и
государственных измен...**

«Центрполиграф»

2021

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

Глезеров С. Е.

Предатели в русской истории. 1000 лет коварства, ренегатства, хитрости, дезертирства, клятвопреступлений и государственных измен... / С. Е. Глезеров — «Центрполиграф», 2021

ISBN 978-5-227-09367-7

Предательство страшно тем, что от него невозможно уберечься: оно исходит от самых близких людей, которых мы любим и которым мы доверяем. Недаром Данте в «Божественной комедии» поместил предателей в самый страшный круг ада... У предательства как исторического явления – невероятная гамма форм и оттенков. Что считать предательством, можно ли его оправдать или понять? Предательство на войне и в мирной жизни – разные вещи. На войне предательство «вычисляется» однозначно – это измена, пособничество и переход на сторону врага. А в мирное время можно ли считать изменой выступление против правителя государства, ставшего тираном? Однозначных ответов в этой книге нет, скорее, это приглашение к широкой общественной дискуссии. Речь пойдет о предательствах подлинных и мнимых, о гранях, формах и видах этого явления: государственная измена, пособничество врагу, отказ от данного слова и присяги, бегство в другую страну, выдача военной тайны... Поговорим мы и о тех, кто был заклеен в измене, обвинен в предательстве, но таковое не совершал. История – своего рода учебник морали и нравственности. История тем и важна, что мы сегодня знаем результаты тех или иных поступков и понимаем, к чему они привели. Представления о порядочности, долге, морали, чести, верности и измене, которыми мы руководствуемся сегодня, действуют уже давно, и то, что считается предательством сегодня, считалось изменой и предательством и много веков назад. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-227-09367-7

© Глезеров С. Е., 2021

© Центрполиграф, 2021

Содержание

Предисловие	7
«Сужу как изменника государя своего»	10
«Твердило – вор и переветчик»	15
Наказанные новгородцы	20
«В литве враждебной грустный странник»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Глезеров
Предатели в русской истории. 1000
лет коварства, ренегатства, хитрости,
дезертирства, клятвопреступлений
и государственных измен

© Глезеров С.Е., 2021

© «Центрполиграф», 2021

Предисловие

Сто лет назад еще Зигмунд Фрейд обратил внимание на повторяющийся сценарий: некто выступает в роли благодетеля, делает кому-то добро, жертвует собой и своим имуществом, а потом снова и снова оказывается в положении преданного. Все дело в пресловутой проекции – стремлении приписывать другим людям те качества, которые присущи нам самим. Неспособные на подлость и предательство, как правило, не ждут этого и от других, поэтому самые честные, самые смелые и благородные оказываются в положении жертвы...

Тем и страшно предательство, что от него невозможно уберечься и спастись: оно исходит от самых близких людей, которых мы любим и которым мы доверяем. Недаром Данте в «Божественной комедии» поместил предателей в самый страшный круг ада...

У предательства как исторического явления – невероятная гамма форм и оттенков. Что считать предательством, можно ли его хотя бы иногда оправдать или понять? Предательство на войне и в мирной жизни – разные вещи. На войне предательство «вычисляется» однозначно – это измена, пособничество и переход на сторону врага. А в мирное время можно ли считать изменой выступление против правителя государства, ставшего тираном? Однозначных ответов в этой книге нет, скорее, это приглашение к широкой общественной дискуссии.

Речь в этой книге пойдет о предательствах подлинных и мнимых, о гранях, формах и видах этого явления: государственная измена, пособничество врагу, отказ от данного слова и присяги, бегство в другую страну, выдача военной тайны... Поговорим мы и о тех, кто был заклеен в измене, обвинен в предательстве, но таковое не совершал. Нередко от героя до предателя всего один шаг, достаточно вспомнить историю священника Георгия Гапона: еще в 1905 году его считали едва ли не вождем русской революции, а весной 1906 года свои же бывшие соратники казнили его за измену...

На Руси предателями сначала считались те, кто перебежал от одного князя к другому. Воеводу по имени Блуд историки называют «первым предателем на Руси». Но и тут не все просто. Посадник Твердило в Пскове, открывший ворота города осаждавшим его немцам, совершил предательство ради интересов значительной части псковичей, которые поддерживали его в этом... Все очень неоднозначно, гораздо шире черно-белого понятия «добро—зло».

Понятие «земской измены», тайного «перевета», то есть различного рода сношений с врагами своего князя, содержится еще в Псковской судной грамоте XV века. Измена в виде передачи города врагу («градской сдавец») впервые была определена в Судебнике 1550 года.

В Соборном уложении 1649 года измена определялась как преступление против власти государя, которое заключалось в смене подданства, бегстве за рубеж, в связях с неприятелем в военное время или сдаче крепости врагу, а также в намерении это совершить («умысел»).

В Своде законов уголовных Российской империи 1832 года под государственной изменой подразумевалось несколько деяний.

Первое: «...когда кто-нибудь умыслит предать государство или какую-нибудь часть оно́го другому Государю или правительству».

Второе: «...когда подданный Российский будет возбуждать какую-либо иностранную державу к войне или иным неприязненным действиям против России, или с теми же намерениями сообщит государственные тайны иностранному правительству».

Третье: «...когда он во время войны будет способствовать или благоприятствовать неприятелю в военных или других враждебных действиях против отечества или против союзников России...».

Четвертое: «...когда дипломатический или иной чиновник, уполномоченный на заключение трактата с иностранною державою, употребит с умыслом сие доверие в явный вред для отечества».

Пятое: «...когда дипломатический или иной чиновник, или вообще подданный России, похитит, или с умыслом истребит, или повредит какого бы то ни было рода акты или документы, долженствующие служить доказательством прав на что-либо требуемое от державы иностранной или, наоборот, иностранной державе от России».

В СССР измена трактовалась, как «измена делу рабоче-крестьянской революции», затем, – как «измена Родине». Эта формулировка сохранялась в уголовных кодексах союзных республик вплоть до распада СССР.

В современном Уголовном кодексе РФ существует статья 275, в которой говорится: «Государственная измена, то есть совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации...».

Парадоксальная вещь: предатель для одних вчера – герой для других сегодня. Речь, к примеру, о гетмане Мазепе и мазепинцах – верных ему казаков, казненных по приказу Петра I в Лебедине. В современной Украине они теперь национальные герои. Мазепе ставят памятники, превозносят его заслуги, почитают казаков, казненных за измену русскому царю...

А капитан 3-го ранга Валерий Саблин, поднявший мятеж на корабле в 1975 году, дабы призвать жителей СССР к борьбе за свободу против лицемерной власти? В 1994 году Военная коллегия Верховного Суда пересмотрела дело Саблина, но отказала ему в реабилитации: все-таки он нарушил воинскую присягу. Однако приговор с «измены Родине» переквалифицировала на статьи о воинских преступлениях (превышение власти, неповиновение и сопротивление начальству) и смертную казнь заменила десятью годами лишения свободы.

Можно возразить – а как же право народа на восстание, провозглашенное в преамбуле Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году: «Принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения».

И по большому счету, чем поступок Валерия Саблина отличается от действий лейтенанта Петра Шмидта, поднявшего восстание против правительства на военном корабле «Очаков» в ноябре 1905 года, во время Первой русской революции? С точки зрения законов Российской империи, он, безусловно, совершил акт государственной измены, а с точки зрения противников власти, – был народным героем. И таковым стал официально практически сразу же после падения самодержавия в феврале 1917 года...

Некто, отрекшийся от своего прежнего «господина», который нарушил все нормы морали и нравственности, может быть назван предателем? Тогда предательство по отношению к своему «патрону» является подвигом в глазах огромного числа людей. Я имею в виду покушение на Гитлера, устроенное группой офицеров и высокопоставленных чиновников Третьего рейха, присягавших ему на верность. С точки зрения Гитлера и его клики, их поступок был несомненным предательством, и во всех документах он именно так и фигурировал. Однако с точки зрения борцов против кровавого безумца, их поступок – подвиг.

«Любопытно сравнить советских коллаборационистов и немецких антифашистов, – отмечает доктор исторических наук Владлен Измозик. – Я студентам говорю, что для меня Сталин и Гитлер – двоюродные братья, но есть качественное различие. Гитлер никогда не мог поднять лозунг „свободной России“, Сталин же в феврале 1942 года заявил: „Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, государство германское остаются“. Поэтому советские кол-

лаборационисты были предателями своего народа, своей Родины, а немецкие антифашисты даже на стороне СССР сражались за будущую Германию без Гитлера...»

А предательство собственных убеждений – разве это не предательство товарищей, которые тебе верили, которые шли за свои идеи в темницу и на эшафот? Яркий пример – история народовольца Льва Тихомирова, который отказался от своих прежних убеждений и стал монархистом.

А измена по отношению к тем, к кому нет и не может быть уважения, как оказывается, вполне может быть оправдана товарищами. Напомним случай с Дмитрием Богровым, который втерся в доверие царской охранке, а затем предал ее, убив премьер-министра Петра Столыпина. Обмануть царскую охранку, предать ее – разве можно за это осуждать?..

История, как бы это пафосно ни звучало, – своего рода учебник морали и нравственности. История тем и важна, что мы сегодня знаем результаты тех или иных поступков и понимаем, к чему ведут в прошлом поступки нравственные и безнравственные. Представления о порядочности, долге, морали, чести, верности и измене, которыми мы руководствуемся сегодня, действуют, по крайней мере, на протяжении многих столетий. То, что считается предательством сегодня, считалось изменой и предательством и много веков назад.

«Сужу как изменника государя своего»

События, о которых пойдет речь, развернулись еще в X веке, стало быть, уже больше тысячи лет назад. Кто-то скажет: разве можно судить людей тех времен с нынешних позиций? Да, в исторической науке есть принцип: рассматривать события прошлого в контексте того времени и оценивать поступки людей прошлого, исходя из тех условий, в которых они существовали. Как говорится, «так жили и боролись люди в старину». Тем не менее нравственные понятия вечны, поэтому нет ничего зазорного в том, чтобы оценивать поступки далеких предков с современных нравственных позиций.

«Герой» нашего рассказа – изменник-воевода по имени Блуд. Как отмечают историки, в давние времена это имя не имело еще негативного смыслового оттенка, как сегодня («развратный человек»), а означало, скорее, «блуждать, странствовать». В Новгороде даже была когда-то Блудова улица.

Сохранившиеся в летописях сообщения о Блуде относятся ко временам «распри Святославичей», в которой ему довелось сыграть весьма немаловажную роль. Дело обстояло следующим образом.

Князь Святослав – единственный сын киевского князя Игоря и княгини Ольги, сначала княжил в Новгороде, потом в Киеве, отличился походом на хазар, войнами против Болгарского царства и Византии.

«С 964 года он начинает серию военных экспедиций, приведших к значительному расширению границ Руси, – отмечает современный новгородский историк Сергей Трояновский. – Для разминки Святослав наносит жестокий удар по Хазарии – давнему противнику Руси в восточной торговле... Вслед за этим Святослав ввязывается в конфликт Византии с Болгарией, причем на византийской стороне. Поставив себе целью захватить низовья Дуная, Святослав создает коалицию с венграми и печенегами, успешно теснит болгар...» По словам историка, Святослав ставил перед собой весьма амбициозную задачу – перенести столицу Руси на Дунай.

В 970 году, перед уходом в поход на Византию, он поручил управлять Киевом своему сыну Ярополку. Однако поход оказался неудачным, князь Святослав погиб в битве с печенегами у днепровских порогов. Согласно легенде, из его лобной кости печенежский князь Куря повелел изготовить чашу для питья, инкрустированную золотом. «Так закончилась мечта Святослава о первой русской империи», – резюмирует современный новгородский историк Сергей Трояновский.

Известие о гибели князя Святослава принесли в Киев весной 972 года остатки русской дружины во главе с воеводой Свенельдом.

После смерти отца Ярополк, еще несовершеннолетний, стал киевским князем. Другие сыновья Святослава – Олег и Владимир, – правили остальными частями Киевской Руси.

«Вероятно, между братьями с самого начала сложились довольно непростые отношения, – отмечает филолог, историк культуры Константин Богданов. – Они были рождены от разных матерей и в дальнейшем воспитывались порознь. У каждого из них были свои родичи и наставники, к советам которых они прислушивались гораздо чаще, чем следовало бы это делать. Позднее отсутствие взаимной симпатии и доверия между братьями сыграло с ними роковую роль. Амбиции наставников только усугубили разлад, наметившийся еще в их детских душах и с возрастом становившийся все сильнее».

Говорят, что трагическим событиям предшествовало небесное знамение. Как сообщал византийский писатель, близкий к придворным кругам, Лев Диакон, летом 975 года «в начале августа месяца явилась на небе удивительная, необыкновенная и превышающая человеческое понятие комета. В наши времена никогда еще не видали подобной, да и прежде не случилось, чтобы какая-нибудь комета столько дней была видима на небе. Она восходила на зимнем

востоке и, поднимаясь вверх, высясь, как кипарис, достигала наибольшей высоты, а потом, тихо колеблясь, испуская блестящие и яркие лучи и являясь чем-то полным страха и ужаса для людей».

По словам Льва Диакона, комета предвещала «страшные мятежи, нашествие народов, междоусобные брани, переселение городов и стран, голод и моровые язвы, ужасные землетрясения и почти совершенную гибель Римской империи, как мы убедились из последовавших затем событий».

Комета не пронеслась случайно. В 977 году разгорелась междоусобная война между Ярополком и его братьями – князем Древлянской земли Олегом и князем Владимиром, правившим в Великом Новгороде. Братья они были родные, единокровные по отцу, правда, Владимир был незаконнорожденным сыном Святослава: ее матерью была Малуша – ключница княгини Ольги.

Воевода Свенельд призывал, а точнее сказать, науськивал Ярополка к активным действиям, и тот напал на владения Олега. В борьбе за древлянский город Овруч Олег погиб. Согласно летописным данным, он упал с моста во время бегства от киевской дружины и был задавлен в крепостном рву другими воинами и лошадьми. Летопись сообщает, что Ярополк горько сокрушался, рыдал над телом брата, убитого помимо его воли...

Б.А. Чориков. Убийство Ярополка, преданного воеводой Блудом

«Случившаяся на юге братоубийственная война застала Владимира и новгородцев врасплох, – сообщает Сергей Трояновский. – В отличие от своих братьев, новгородский княжич не

испытывал потребности в захвате земель у родственников, поскольку вокруг Новгорода хватало свободных территорий. Скандинавские саги сообщают нам о его успехах в покорении Прибалтики».

Известие об убийстве князя Олега, дошедшее до Новгорода, по всей видимости, сопровождалось угрозами и в адрес Владимира. Иначе как объяснить, что Владимир «убоявся» и бежал из Новгорода «за море», оказавшись в роли едва ли первого русского политического эмигранта, а Ярополк стал правителем всего государства, которое историки именуют древнерусским (разумеется, в те времена так его никто не именовал). Согласно западноевропейским источникам, он установил активные контакты с двором германского императора Оттона II, принял христианство и женился на дочери чешского короля.

Но Владимир не сдался и в 978 году вернулся на Русь с варяжским войском. Сначала он отбил Новгород, затем при поддержке новгородцев захватил Полоцк, двинулся на Киев и встал лагерем под его стенами.

Как отмечают историки, по всей видимости, Владимир, собиравшийся «воспринять» киевский престол, не собирался брать город приступом и причинять ему бедствия и разрушения. Как можно видеть на многих примерах, на Руси в XXI веках противоборствующие князья захватывали собственно власть, а не город, вследствие чего столица не подвергалась разграблению. Победивший претендент вступал в Киев как законный правитель и вел себя соответствующим образом.

Вот тут-то и сыграл свою «черную» роль близкий к Ярополку воевода Блуд, ставший изменником. Он вступил в сговор с Владимиром. По некоторым сведениям, Владимир посулил Блуду «свою милость». Летопись сообщает: «Воеводу же посла к Блуду, воеводе Ярополчю, с лестью, глаголя: „Поприями ми, аще убью брата своего, имети тя хочю во отца место и многу честь возьмешь от мене“».

Блуд уговорил Ярополка покинуть Киев и укрыться в укрепленном городе Родне на реке Рось. После длительной осады в Родне начался лютый голод. В одной из летописей говорится: «...и есть поговорка и до сего дня: беда яко в Родне».

Блуд уверял Ярополка в том, что ему следует вступить в переговоры с Владимиром, который не намерен причинить ему никакого зла. В свою очередь, отрок Варяжко убеждал своего князя Ярополка не выходить к Владимиру, так как Ярополка ожидает неминуемая гибель.

В.П. Верещагин. Великий князь Ярополк

Последний не внял предостережениям своего отрока, а Блуду все-таки удалось убедить его вступить в переговоры с Владимиром. Когда Ярополк прибыл на переговоры к брату, два варяга подло зарубили его. В «Повести временных лет» об этом говорится так: «И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга пронзили его мечами под пазухи. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк». После чего Владимир занял киевский престол. Согласно «Повести временных лет», гибель Ярополка и вокняжение Владимира произошло в 980 году. По другим документам, это событие произошло на два года раньше.

Какова же дальнейшая судьба героев этой истории?

Владимир, в первую очередь, знаменит тем, что в 988 году крестил Русь. Со школьных учебников всем, без сомнения, памятна история о том, как он выбирал веру и в итоге остановился на православии. В историю он вошел под именами Владимир I, Владимир Святой, Владимир Великий, Красно Солнышко и Владимир Креститель. С вокняжением Владимира в Киеве раздел русской земли был преодолен, государственное единство восстановлено.

Спустя почти полвека, в 1044 году, племянник Ярополка, Ярослав Мудрый, велел вырыть из могилы останки Ярополка и Олега, крестить (хотя это было запрещенное христианскими канонами деяние) и перезахоронить их рядом с Владимиром в Десятинной церкви в Киеве.

Летопись сообщает: «Выгребоша два князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею и положиша я в церкви святяя Богородица».

Что же касается Блуда, то он, судя по всему, ненадолго пережил Владимира, ради службы на которого предал Ярополка. Об этом свидетельствует летопись, которой пользовался историк XVIII века Василий Татищев и не сохранившаяся до нашего времени: огромное число древних рукописей сгорело при пожаре Москвы в 1812 году.

Блуд вначале был обласкан Владимиром, вскоре навлек на себя его гнев, и его казнили. При этом Владимир будто бы помянул опальному воеводе свершенное им недавнее предательство: «Я тебе по обещанию моему честь воздал как приятелю, а сужу как изменника государя своего...»

В общем-то вполне закономерный финал жизни изменника. Таковым его воспринимали и тысячу лет назад, таковым он остается в исторической памяти и сегодня...

«Твердило – вор и переветчик»

О псковском посаднике, знатном горожанине Твердиле Иванковиче, который сдал Псков немецким рыцарям, принято говорить исключительно как о коварном изменнике и предателе. Что, по всей видимости, соответствует истине. Случилась эта история в XIII веке, во времена Александра Невского. Собственно говоря, вскоре после этого события псковичи позвали Александра Ярославича на борьбу с тевтонскими рыцарями, и он разбил их на Чудском озере...

«Твердило (Твердислав) – посадник псковский, с личными властолюбивыми целями изменил Пскову, почему последним и овладели немцы в 1240 году», как сообщает «Русский биографический словарь», изданный в начале XX века под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцева.

В поэме Константина Симонова «Ледовое побоище» есть такие строки: «Когда Изборск был взят измором // И самый Псков сожжен на треть, // Нашлись изменники, которым // Не дало вече руки греть. // Былого лишены почета, // Они, чтоб власть себе вернуть, // Не то что немцам – даже черту // Могли ворота распахнуть...»

Однако, как известно, история, в отличие от физики, математики или химия, наука «неточная». И если в математике дважды два всегда будет четыре, и никак иначе, то в истории оценки событий могут меняться. И не случайно сегодня среди тех, кто глубоко интересуется псковской историей, поступок Твердилы (Твердислава) Иванковича порой оценивается не так однозначно.

Как отмечает историк Андрей Михайлов, ситуацию в Прибалтике в первой половине XIII века можно назвать войной всех против всех, и союзы тогда заключались совершенно неожиданные для сегодняшнего восприятия. Псковичи заигрывали с немцами: участвовали вместе с ними в походе против эстов, потом – против литовцев. Причина была вовсе не в том, что псковичи «любили немцев»: просто в Пскове значительная часть элиты, да и населения, не хотели видеть над собой династию Ярослава Всеволодовича, княжившего в Новгороде, а потому заручались поддержкой иноземцев.

Вражда Новгорода с Псковом была давней. Дело в том, что в Новгороде княжил Ярослав Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо. Тот, с точки зрения того времени, разделил свои земли не совсем правильно: не передал первенство своему старшему сыну Константину, посчитав, что тот против него интриговал. Константин с этим не смирился, начал борьбу против единокровных братьев и родного отца.

На сторону «обиженного» Константина встал князь Владимир Мстиславич – убежденный союзник Тевтонского ордена, который в ту пору огнем и мечом распространял свое влияние в Прибалтике. Владимир Мстиславич, в свою очередь, был родным братом Мстислава Мстиславича Удатного (то есть удачливого) – главного героя практически всех междоусобных войн первой половины XIII века. В 1216 году произошла Липецкая битва между детьми князя Всеволода Большое Гнездо, и в ней победу одержал Константин. И вместе с ним – сторонники немецкого влияния. В Пскове в разное время у власти находились и Владимир Мстиславич, и его сын Ярослав Владимирович... Нетрудно предположить, что от княжившего в Новгороде Ярослава Всеволодовича ничего хорошего они не ожидали.

А немцы, в свою очередь, нуждались в псковичах в качестве союзников в борьбе против языческой Литвы и тех же эстов. В 1223 году рыцари (лифляндцы) захватили город Юрьев. Псковичи в союзе с литовцами и новгородцами попытались отстоять свои владения, однако затем новгородцы уступили лифляндцам Юрьев. Тогда псковичи разорвали союз с новгородцами и в 1228 году заключили оборонительный мир с лифляндцами на своих условиях, «обязавшись им помогать против Литвы, а от них требуя обороны от Новгорода».

Князь новгородский Ярослав Всеволодович объявил Пскову войну и даже отправился в поход с новгородским войском на Псков, но, узнав, что на защиту Пскова идут немецкие рыцари, вернулся. Он организовал, говоря современным языком, экономическую блокаду Пскова, в частности, прервал его снабжение солью, служившей в те времена важнейшим товаром для торгового города. Это заставило псковичей принять в правление ставленников Ярослава вопреки союзному договору с лифляндцами.

В 1236 году в битве при Сауле (в Литве) немецкие рыцари, выступавшие в союзе с псковичами, потерпели сокрушительное поражение от литовцев. Было убито двести «лучших мужей псковичей», и, что очень интересно, новгородская летопись сообщала об этом событии с явным сочувствием к псковичам, хотя перед этим между Новгородом и Псковом были более чем напряженные отношения.

В сентябре 1240 года немецкие рыцари в очередной раз захватывают крепость Изборск, расположенную рядом с Псковом. С ними выступает заодно князь Ярослав Владимирович, сын псковского князя Владимира Мстиславича, – противник отца Александра Невского. В советской пропагандистской литературе Ярослав Владимирович изображается в отталкивающем виде, в знаменитой поэме Константина Симонова «Ледовое побоище» он упомянут как «князек захудалый».

Псковское ополчение попыталось освободить Изборск, но потерпело сокрушительное поражение. В бою пал княжеский воевода Гаврила Гориславич. Тогда рыцари подступили к стенам Пскова. Целую неделю они осаждали Псков, сожгли посад, но могучий Кремль (здесь его называли Кром) захватить не могли.

В этой ситуации в Пскове победили сторонники его сдачи немцам. Вот тут-то немалую роль и сыграл боярин Твердило Иванкович, выступивший за союз с немцами. Как именно он впустил немцев – легенд много. То ли ночью, крадучись, отворил им крепостные ворота, то ли впустил их через ведомый ему подземный ход, который вел из Псковского Кремля под рекой Великой на ее другую сторону.

Твердило возглавлял достаточно сильную боярскую группировку, склонявшуюся к поддержке ливонцев. В поэме Симонова он также показан в негативном свете – как коварный изменник и предатель. Прочитируем несколько строк из поэмы: «Ливонец смотрит вниз, на вече, // На черный плавающий дым. // Твердило – вор и переветчик – // Уселся в креслах рядом с ним. // Он был и в Риге, и в Вендене, // Ему везде кредит открыт, // Он, ластясь к немцу, об измене // С ним по-немецки говорит. // Он и друзья его просили // И просят вновь: собравши рать, // Должны ливонцы пол-России // В ближайший месяц отобрать».

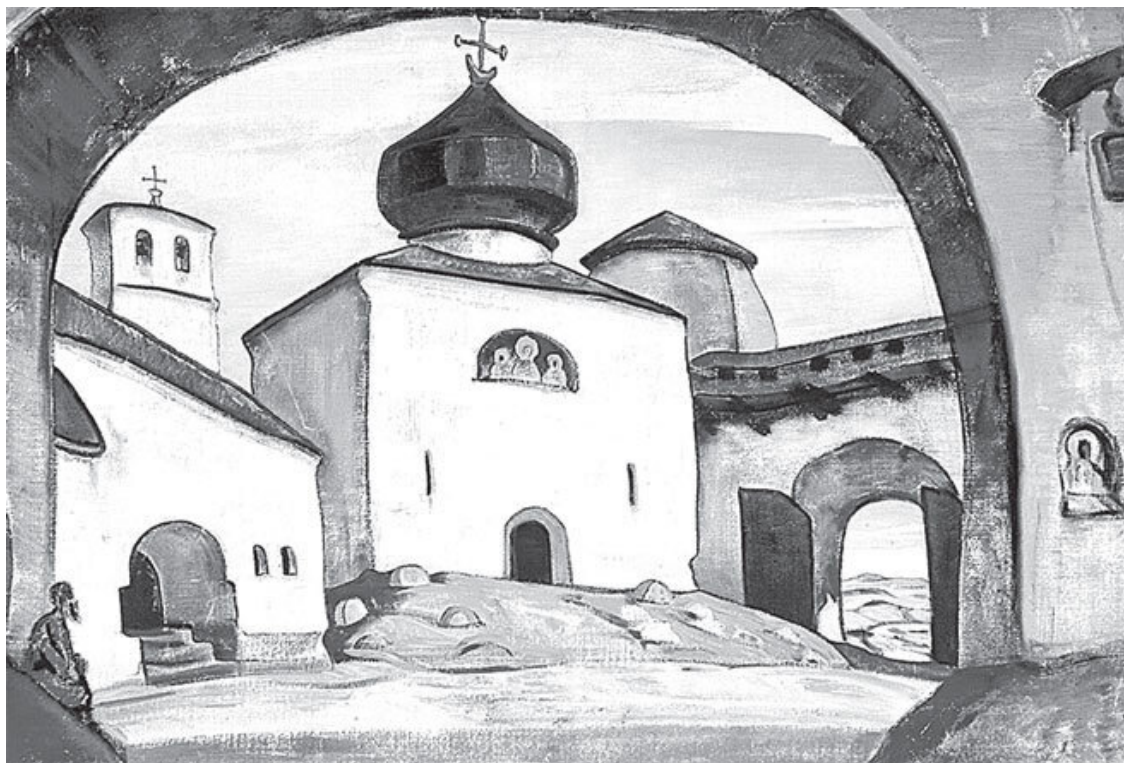
Переветчик – устаревшее русское слово, означающее «наушник», «сплетник». Веден – рыцарский замок в нынешней Латвии, который несколько раз пытались взять новгородцы, но безуспешно. Руины этого замка, правда, уже более поздних времен, сохранились по всей день в латвийском городе Цесисе, что в 90 километрах к северо-востоку от Риги.

Актер С.К. Блинников в роли Твердилы Иванковича в фильме «Александр Невский»

В кинофильме Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» роль Твердилы блестяще исполнил замечательный актер Сергей Капитонович Блинников. Сыграть предателя и изменника – это ведь гораздо сложнее, чем безусловно положительного персонажа. Блинников с ролью справился, и в дальнейшем сыграл еще огромное число ролей во многих культовых советских фильмах, стал народным артистом РСФСР и СССР, получил Сталинские премии I и II степени.

В книге Виктора Поротникова «Ледовое побоище. Разгром псов-рыцарей» – современного российского писателя, автора исторических произведений, в уста Твердилы вложены такие слова, которые он будто бы говорил своим соратникам: «Давно уже минули те времена, когда во Пскове правили присланные из Новгорода посадники. Ныне Псков стоит как гора, ни в чем не уступая Новгороду! Пусть на Новгородском вече кричат, что с Ливонским орденом дружить нельзя, что рыцари-латиняне для Руси – враги заклятые. Нам, псковитянам, до этих криков дела нету. У нас, псковитян, своя голова на плечах. Мы и без новгородцев разберемся, кто нам друг, а кто – враг. Иль я не прав?»

Н.К. Рерих. Старый Псков. Эскиз декорации к опере Н.А. Римского-Корсакова «Псковитянка»

Кстати, по некоторым свидетельствам, при «сдаче» Пскова Твердилой немцам в город вошло всего двенадцать рыцарей. Если так, то, согласитесь, невеликое войско!..

«...Гнусный изменник, Твердило, начал господствовать во Пскове, делясь властью с Немцами, грабя села Новгородские. Многие добрые Псковитяне ушли с семьями к Александру и требовали его защиты. Знаменитая отчизна Святой Ольги также скоро избавилась от власти предателя, Твердила, и чужеземцев. Александр завоевал Псков, возвратил ему независимость и прислал в Новгород скованных Немцев и Чудь», – отмечал историк Николай Карамзин.

Как бы то ни было, но оккупация Пскова продолжалась два года. В 1242 году Александр Невский, как известно, прогнал из Пскова немецких рыцарей и разбил их войско на Чудском озере. «Измученный сим бедствием, магистр Ордена с трепетом ожидал Александра под стенами Риги и спешил отправить посольство в Данию, моля Короля спасти Рижскую Богоматерь от неверных, жестоких Россиян; но храбрый Князь, довольный ужасом Немцев, вложил меч в ножны и возвратился в город Псков. Немецкие пленники, потупив глаза в землю, шли в своей Рыцарской одежде за нашими всадниками. Духовенство встретило Героя со крестами и с песнями священными, славя Бога и Александра; народ стремился к нему толпами, именуя его отцом и спасителем», – свидетельствовал Николай Карамзин.

От «тевтонской напасти» Александр Невский, несомненно, уберег Русь, но при этом вынужден подчиниться Орде и двадцать лет, до самой своей смерти, был фактически ее служителем. Когда новгородцы пытались восстать против монголов, они подавляли эти мятежи. Так, в 1257 году в Новгороде происходят волнения из-за монгольской дани. Новгородцы не хотели платить. Расправа со стороны Александра была жестокой: некоторым бунтовщикам он приказал отрезать носы, другим – выколоть глаза...

Историк Лев Гумилев вообще видел в Александре Невском творца «русско-ордынского альянса». По мнению Льва Николаевича и его последователей, дружеские отношения Александра с Батыем, его сыном Сартаком и преемником ханом Берке позволили наладить с Ордой

как можно более мирные отношения, что способствовало синтезу восточнославянской и монголо-татарской культур...

Иными словами, логика вырисовывается следующей: чем псковичи, поставившие на союз с тевтонскими рыцарями, хуже правителей Новгорода, подчинившихся – ради самосохранения – Орде?

Отдельные современные исследователи выдвигают мысль: если бы в XIII веке республиканский Псков сумел бы, используя союз с Орденом, повести за собой Новгородскую республику, то, возможно, история страны сложилась бы иначе. Поэтому в Пскове сегодня некоторые предлагают по-иному взглянуть на образ Твердислава Иванковича, не в качестве изменника общерусского дела, а в качестве лидера, возглавившего Псков и всю Русь в союзе с Орденом против восточно-деспотической «протатарской» линии государственного развития, олицетворяемой Александром Невским. Звучат даже такие реплики: «Кто он вообще, посадник псковский Твердислав Иванкович: патриот или изменник?»

Впрочем, серьезных исторических исследований, посвященных Твердиле Иванковичу и его судьбе, до сих пор не появилось. О том, что с ним случилось, после того как Александр Невский освободил Псков от немцев, есть разные версии. Согласно одной, за свою измену его казнили – повесили на крепостной стене Пскова, по другой – он бежал вместе с немцами в Изборск...

Наказанные новгородцы

Этот исторический эпизод в Великом Новгороде по сей день воспринимают достаточно болезненно. Ведь речь шла ни много ни мало – о предательстве православной веры! И это обстоятельство послужило поводом для похода Москвы против Новгорода, что закончилось в конечном итоге присоединением новгородских земель к Московскому царству.

Впрочем, все это было только поводом: настоящей причиной, как считают историки, была централизация Русского государства, и независимый Великий Новгород, собравший вокруг себя огромные территории, уже не устраивал Москву.

Впрочем, на этот процесс есть две точки зрения: одна, условно говоря, – новгородская; другая – московская. Историк Юрий Алексеев отмечал, что корни желания новгородцев обособиться от остальной Руси лежали в глубинах русской истории, прежде всего, в том, что с Новгорода начинается сознательное отношение к русской истории.

«Именно сюда пришел Рюрик, здесь зародилась русская государственность, – указывал Юрий Алексеев. – Ярослав Мудрый дал новгородцам грамоту – какую точно, неизвестно, – но в ней говорилось об особых правах Новгорода. С тех пор новгородцам и было свойственно стремление к самостоятельности. В Новгороде был обычай приглашать к себе князей, чего на Руси больше нигде не было. И если князь им не нравился, его прогоняли.

Нет смысла их в этом осуждать, требуется просто понимать суть вещей. А она коренится в особых условиях новгородской жизни – огромных пространствах, находившихся под властью Великого Новгорода. От Ильмена до Северного Ледовитого океана, от Ильмена до Северного Урала. Больше, чем территория всей остальной Руси. Холодный климат и очень большие богатства. А богатства, знаете, развращают. И не только человека – всю страну...

Новгородцы жили на мехах. Пушнина потоком шла из Новгорода в Европу. Огромные лесные пространства, покрывавшие новгородскую территорию, давали неисчислимые возможности для обогащения новгородского боярства... Иногда можно услышать, мол, «Новгород – родина русской демократии», «Новгород – Русская Флоренция»... Да ничего подобного! Это отсталая архаическая республика, если ее вообще можно назвать республикой. Вече кричало, что хотело, а фактически им руководили бояре. Тем, кто с ними не соглашались, приходилось плохо... Понимания общности русских интересов у новгородцев не было никакого. Они жили по принципу: „Где святая София – там и Новгород“».

Как бы то ни было, но новгородская аристократия пыталась сохранить и обеспечить независимость новгородского государства. Новгород успешно боролся с армиями Михаила Тверского и Дмитрия Донского, в период братоубийственной междоусобной войны в начале XV века принял у себя и укрыл ее организатора и вдохновителя Дмитрия Юрьевича Шемяку.

Именно Шемяка в момент краткого восшествия на московский престол в 1446 году велел выколоть Василию II глаза, после чего тот получил прозвание «Темный». Правда, тут действовал принцип «око за око, зуб за зуб»: тремя годами ранее Василий II сам повелел ослепить родного брата Шемяки – Василия Юрьевича.

В 1456 году Василий II отправил войска на Новгород. Сражения между новгородцами и московским войском шли с переменным успехом, в конце концов на помощь Москве пришли татары, которые разгромили новгородское войско. За мечом державной Москвы, как образно отмечал историк Александр Зимин, отчетливо маячила татарская сабля...

Итогом противостояния стал заключенный в 1456 году Яжелбицкий мир между Москвой и Новгородом, но он не стал полной победой Москвы. На время установилось хрупкое равновесие.

Но к междоусобицам было не привыкать – дело привычное. При этом враждующие стороны оставались людьми православными, сохраняли верность вере. Духовная измена воспри-

нималась как едва ли не самое страшное преступление. Поэтому, когда в Москве обвинили Новгород в том, что он нарушил ранее подписанное с ней соглашение и призвал на княжение великого князя Казимира, государя католической Литвы, это расценили как тяжелейшую измену.

Москва вообще очень болезненно относилась к новгородским «западникам», их непривычному опыту вечевого народовластия и тесным контактам с католиками.

В Новгороде действительно началось брожение, как отмечает новгородский историк Сергей Трояновский, связанное «с желанием отложиться от назойливой опеки московского великого князя». Во главе этого движения встали вдова посадника Исака Марфа Борецкая и ее сын посадник Дмитрий. По словам летописца, они заявляли на вече: «Вольные мы люди – Великий Новгород, а московский князь великий многие обиды и неправды над нами чинит. А хотим за короля польского и великого князя литовского Казимира!»

«В московском летописании эта ситуация подается крайне тенденциозно, – отмечает историк Сергей Трояновский, – и новгородцам приписывается желание перейти в католическую веру. Вряд ли это было на самом деле так, тем более что из кандидатур на княжеский стол новгородцы отдали предпочтение бывшему киевскому князю Михаилу Олельковичу – он хоть и был вассалом Казимира, но оставался православным».

Кроме того, после смерти новгородского архиепископа Ионы новый кандидат на этот пост отправился на поставление в сан не к московскому митрополиту, а к литовскому, находившемуся в Киеве.

В марте 1471 года после долгих переговоров между великим князем Иваном III и новгородскими посадниками выяснилось, что новгородские бояре заключили союз с великим князем литовским и польским королем Казимиром Ягеллоном против великого князя Ивана. Казимир поставил в Новгород своего наместника и обещал защиту от Москвы. Третьим членом антимосковской коалиции стал золотоордынский хан Ахмат, также находившийся в союзе с Казимиром.

Именно после этого действия новгородцев в Москве расценили как «измену православию», вероотступничество, и Иван III начал готовить войско против вольного и несговорчивого Новгорода. К участию в походе были призваны вятчане, устюжане и псковичи – бывшие союзники Новгорода.

В начале июня 1471 года из Москвы на усмирение Новгорода вышел 10-тысячный московско-татарский отряд. Затем двинулись и другие полки. В Новгороде готовились дать отпор, однако москвичи разбили новгородскую пехоту у Коростыни. Новгородцы, пытавшиеся освободить занятую московским войском Русу, тоже потерпели поражение, причем воевода Даниил Холмский, как отмечает историк Сергей Трояновский, повелел всем пленным отрезать друг другу носы, губы и уши, после чего их в таком устрашающем виде отпускали в родной город.

Затем новгородцев разбили в битве на реке Шелонь, московские летописи сообщают о 12 тысяч убитых, но, очевидно, это преувеличение. Много было взятых пленных, в частности, в плену оказались те самые бояре, которые подписали договор с Казимиром.

«И произошло то, чего раньше никогда не было и что произвело сильнейшее впечатление на современников и потомков, – отмечает Юрий Алексеев. – Пятерых бояр, подписавших договор с Казимиром, привели в великокняжескую ставку и им отрубили головы. Обычно высокопоставленных пленников, за очень редким исключением, обменивали или выкупали, но не в коем случае не казнили. А тут шла речь о новгородской элите, показательно казненной победителями. Псковский летописец, не отличавшийся симпатиями к новгородцам, писал об этом с содроганием, и было от чего...»

В августе 1471 года в Коростыни подписан новый договор между Москвой и Новгородом. Согласно ему, Новгород обязывался прекратить любые отношения с Литвой: «...А бытии нам от вас, великих князей, неотступными ни к кому... Мы отчина ваша».

«Несмотря на сохранение вече, посадников и боярских вотчин, договор означал полную ликвидацию внешнеполитической независимости республики и судебно-административное подчинение власти Москвы», – отмечает Сергей Трояновский.

Финалом стало противостояние, обозначенное в истории как Московско-новгородская война 1477–1478 годов. Сопrotивление новгородцев возглавила Марфа Борецкая. Новгородское войско в конце ноября 1477 года подступило к Новгороду, но не пыталось его штурмовать. На попытку Новгорода договориться Иван III отвечал: «Знайте же, что в Новгороде не быть ни вечевому колоколу, ни посаднику, а будет одна власть государева... как в стране Московской».

К.В. Лебедев. Марфа Посадница. Уничтожение новгородского веча. 1889 г.

А.Д. Кившенко. Отправка Марфы Посадницы и вечевого колокола в Москву

В итоге новгородцы не решились воевать и сдались на милость победителя. Москва, прежде всего, уничтожила две самые ненавистные ей новгородские «выдумки». Вечевой колокол, созывавший когда-то всех здешних республиканцев на общее собрание, власть «арестовала», а единственную на всю Русь католическую церковь разрушила. В летописях уничтожение храма объяснялось «благочестивым сознанием русских», приписывалось «чудесному действию в наказание за то, что он (католический храм. – С. Г.) православной церкви Святого Иоанна Предтечи и что на внешней стороне храма были с целью отвращения русских написаны образа Спасителя и некоторых святых».

Московские власти расправились и с «изменниками» – сторонниками новгородской независимости. Земли Марфы Борецкой конфисковали, ее с внуком Василием Федоровичем Исаковым сначала привезли в Москву, а затем выслали в Нижний Новгород, где постригли в монахи под именем Марии в Зачатьевском монастыре, в котором она и умерла в 1503 году. По другой версии, Марфа умерла или была казнена по дороге в Москву в селе Млеве Бежецкой пятины Новгородской земли...

Новгородских землевладельцев выселили в другие земли, а их владения роздали московским дворянам. Однако дух новгородской вольницы все равно сохранялся. Именно это, как считают историки, стало поводом для неслыханного опричного погрома, устроенного в 1570 году по приказу Ивана Грозного. В самом городе, по всей Новгородской земле были замучены тысячи людей, разграблены церкви и монастыри, деревни и села пришли в запустение...

«В литве враждебной грустный странник»

Воеводу Андрея Курбского, сподвижника царя Ивана Грозного, сбежавшего от него в Литву и перешедшего в стан его противников, исследователи нередко называют одним из наиболее «высокопоставленных перебежчиков» в российской истории. Нередко его считают «диссидентом номер один» и первым политическим эмигрантом.

Военную карьеру молодой князь Курбский начал во втором походе Ивана IV против Казанского ханства. Сражался в звании стольника, а вернувшись, стал воеводой, в 1551 году уже командовал полком правой руки, когда русская рать на Оке ожидала татарского вторжения. Примерно тогда же Курбский начал выполнять личные поручения Ивана Грозного.

Храбрости и стойкости Курбскому было не занимать: в 1552 году в боях с татарами был ранен, но уже через восемь дней присоединился к новому походу на Казань. Там во время отчаянной битвы снова ранен, его поначалу даже сочли погибшим... И снова быстро встал в строй. В 1554 году участвовал в подавлении восстания казанских татар, два года спустя – в подавлении мятежных черкесов и в защите южных рубежей Московского царства от крымского войска...

Вскоре после этого Иван IV сделал Курбского боярином, а вскоре началась Ливонская война. В начале боевых действий Курбский вместе с Петром Головиным командовал сторожевым полком. Затем назначен первым воеводой первого полка, возглавив авангард русской армии. Кампания оказалась успешной – было захвачено около двух десятков ливонских городов.

П.В. Рыженко. Портрет А. Курбского

Но война затягивалась, русской армии приходилось все тяжелее. В 1560 году Иван Грозный поставил Андрея Курбского во главе действовавшей там армии и одновременно назначил воеводой в Юрьев (ныне – Тарту). Курбский нанес ливонцам несколько поражений, затем успешно сражался против вступивших в войну за Ливонию польско-литовских войск. Однако затем военная удача отвернулась от него: в 1562 году литовцы разбили отряд Курбского.

...У каждого, решившегося сделать роковой выбор в пользу измены, всегда есть точка невозврата. То есть до этого мгновения ситуацию еще можно обратить назад, а после – дороги назад уже не будет.

Историки до сих пор не могут ответить на вопрос, что именно подтолкнуло Курбского к подобному шагу. Ведь после неудачи под Невелем он сохранил свой пост, и даже когда приближенные князя начали попадать в опалу, Иван Грозный не предъявил Курбскому никаких претензий, тем не менее воевода решился на бегство из России.

Более того, как считают некоторые историки, в ходе предварительных переговоров Курбский, дабы подтвердить неприятелю твердость своих намерений, раскрывал ему сведения о передвижении русских войск.

30 апреля 1564 года Курбский со свитой покинул Россию и перешел литовскую границу. Семья Курбского в России подверглась гонениям, некоторых его родственников, по свидетельству самого Курбского, Иван Грозный «поморил». Мать, ребенка и супругу Курбского зато-

чили в крепости, где последняя умерла «от тоски». Судьба старшего отпрыска Андрея Михайловича покрыта тайной, а позже стала объектом для различных исторических спекуляций.

Великий князь литовский и король польский Сигизмунд Август пожаловал Курбскому во временное пользование обширные владения в западнорусских землях: город Ковель с замком, а также несколько поместий. Три года спустя имущество оформили в наследственную собственность семьи Курбских. Уже в 1564–1565 годах беглый князь участвовал в боевых действиях с Россией на стороне польско-литовских войск, в том числе в осаде Полоцка и в опустошении Великолуцкой провинции.

Но прославился все-таки Андрей Курбский не военными делами, а перепиской с Иваном Грозным, которую он вел из Литвы. Уже много лет ее изучают ученые, она упоминается в вузовских и даже школьных учебниках.

Сразу после бегства Курбский отправил Ивану IV письмо, в котором упрекал своего бывшего патрона в многочисленных грехах по отношению к верным подданным: «Избиенные тобою, у престола Господня стояще, отомщения на тя просят; заточенные же и прогнанные от тебя без правды от земли к Богу вопием день и ночь!»

Царь отвечал бывшему подданному в язвительной манере, дав понять, что все его оправдания ничтожны. Он тщательно отвечал на каждый обвинительный тезис оппонента, зачастую либо дословно цитируя, либо пересказывая послание Курбского. И если Курбский утверждал, что Грозный не соответствует идеалу правителя, тот, наоборот, задавал вопрос: а само-то Курбский (и подобные ему) близки к идеалу подданного? Царь упрекал Курбского: «Ты же, тела ради, душу погубил еси, и славы ради мимотекуция, нетленную славу презрел еси, и на человека возъярився, на Бога возстал еси».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.